

ББК 81.055.1

УДК 81'42

К проблеме историко-текстологического изучения поэтических текстов XIX–XX вв.

С.В. Цыб

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
Алтайский филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Барнаул, Россия)

To the Problem of Historical Textual Studying of Poetic Texts of the XIX-th and XX-th Centuries

S.V. Tsyb

Altai State University (Barnaul, Russia)
Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Barnaul, Russia)

Применение методов сравнительной текстологии позволило автору статьи выяснить особенности формирования фрагментов текста двух литературных произведений, содержащих исторические сюжеты. Первое — трагедия Пушкина «Борис Годунов». Выяснилось, что в монологе одного из персонажей пьесы (монах Чудовского монастыря летописец отец Пимен) Пушкин использовал научные идеи немецкого ученого Августа-Людвига Шлёцера. Он считал необходимым осуществлять обязательную проверку достоверности русских летописей при помощи выявления искажений, появившихся в процессе переписки летописных текстов. Великий русский поэт не осознал полностью идей Шлёцера, но они все же повлияли на представления Пушкина о формировании русских летописных произведений.

Второе литературное произведение — поэтический пересказ древнерусского сочинения «Слово о полку Игореве» алтайского поэта Геннадия Панова. Пересказ был напечатан дважды (в 1983 и 1984 гг.). Во вторую редакцию пересказа Панов внес изменения, которые появились в результате совершенствования его знаний о событиях 1185 г., когда происходил поход князя Игоря в Половецкую степь. Два случая, описанных в статье, показывают значение применения историко-текстологических методов для изучения путей формирования литературных текстов.

Ключевые слова: Текстология, история, филология, А.С. Пушкин, «Борис Годунов», А.-Л. Шлёцер, «Слово о полку Игореве», Г.П. Панов, поэтический пересказ.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.1-28

Application of methods of comparative textual criticism allowed the author of article to find out features of formation of two literary works containing historical plots. The first is Pushkin's tragedy "Boris Godunov". It became clear that in a monologue of one of characters (the monk of the Chudovsky monastery the chronicler father Pimen) Pushkin used scientific ideas of the German scientist Augustus-Ludwig Shlötser. He considered necessary to check reliability of the Russian chronicles by means of identification of the distortions which appeared in the course of copying of annalistic texts. The great Russian poet didn't completely realize Shlotser's ideas, but all of them influenced Pushkin's ideas on formation of the Russian annalistic works. The second literary work is the poetic retelling of the Old Russian composition "Slovo o polku Igoreve" (The Tales of Igor's Campaign) written by the Altai poet Gennady Panov. The retelling was published twice (in 1983 and 1984). Panov made changes to the second edition resulted from improvement of his knowledge of events of 1185 when there was a campaign of the prince Igor to the Polovetsky steppe. Two cases described in article show the value of application historical textual methods for studying of ways of formation of literary texts.

Key words: textology, history, philology, A.S. Pushkin, "Boris Godunov", A.-L. Shlötser, "Slovo o Polku Igoreve" (Tales of Igor's Campaign), G.P. Panov, poetic retelling.

Более полувека назад Д.С. Лихачев сформулировал важнейшее правило филологической науки:

«Текстолог обязан быть историком в самом широком смысле этого слова и историком текста»

в особенности» [1, с. 45]. Перефразируя великого ученого, можно сказать, что историк должен в совершенстве обладать навыками текстологического исследования, и эти навыки позволят ему не только успешно решать специальные задачи, но и способствовать совершенствованию собственно филологических знаний. Текстология способна объединить интересы двух наук — истории и филологии, два примера чему предлагаем читателям данной статьи.

1. Пушкин и Шлёцер

Каждая пушкинская строка, каждое слово всегда вызывали и вызывают ныне неослабный интерес исследователей. Пушкиноведа утверждают, что ни одна такая строчка, ни одна фраза и даже ни одна буква не были случайными и отражали особенный путь авторских размышлений.

Листаем бесценные страницы пушкинского «Бориса Годунова». Сцена «НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ (1603 года)». Действуют два персонажа — «ОТЕЦ ПИМЕН, ГРИГОРИЙ спящий». Не нарушая сна будущего Самозванца, чудовский монах произносит монолог. 27 строк рассуждений Пимена занимают здесь то место, которое в остальных сценах трагедии отводится интригующей завязке, нарушающей исходную ситуацию, не описанную автором непосредственно, но создающую возможность превратить каждую сцену в законченный эпизод. Так, сцена «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. Народ», начинается с констатации намеренно пропущенного Пушкиным факта — очередного отказа Бориса от предложения принять царский венец:

« О д и н.

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха» [2, т. V, с. 224].

В русло такой же интриги нас ввергает и вопросительный возглас патриарха, открывающий 6-ю сцену и фиксирующий не представленное в произведении событие (бегство Отрепьева из Москвы): «И он убежал, отец игумен?» (V, 239). Понятно, что монолог Пимена имел ту же самую цель — подготовить читателя к усвоению смысла дальнейшего содержания данного эпизода, а именно — к усвоению авторской мысли о влиянии исторических преданий на становление узурпаторских замыслов Григория.

Прочитаем в очередной раз эти строки, позволив себе пронумеровать их для удобства дальнейшего исследования:

Пимен (*пишет перед лампадой*)

- (1) Еще одно последнее сказанье —
- (2) И летопись окончена моя,
- (3) Исполнен долг, завещанный от бога
- (4) Мне, грешному. Недаром много лет

- (5) Свидетелем господь меня поставил
- (6) И книжному искусству вразумил;
- (7) Когда-нибудь монах трудолюбивый
- (8) Найдет мой труд усердный, безымянный,
- (9) Засветит он, как я, свою лампаду —
- (10) И, пыль веков от хартий отряхнув,
- (11) Правдивые сказанья перепишет,
- (12) Да ведают потомки православных
- (13) Земли родной минувшую судьбу,
- (14) Своих царей великих поминают
- (15) За их труды, за славу, за добро —
- (16) А за грехи, за темные деянья,
- (17) Спасителя смиренно умоляют.
- (18) На старости я сызнова живу,
- (19) Минувшее проходит предо мною —
- (20) Давно ль оно неслось, событий полно,
- (21) Волнуясь, как море-окиян?
- (22) Теперь оно безмолвно и спокойно,
- (23) Немного лиц мне память сохранила,
- (24) Немного слов доходят до меня,
- (25) А прочее погребло невозвратно...
- (26) Но близок день, лампада догорает —
- (27) Еще одно последнее сказанье (*пишет*) (V, 231–232).

Сразу выделяем в этом тексте ситуационный блок, восполняющий недостаток авторских ремарок, минимизация которых — типичная черта драматических произведений Пушкина: №№1, 2, 26, 27. Он не имеет принципиального значения и выполняет только формальные функции. Другой блок — автобиографический (№№3–6, 18–25) — несет важную смысловую нагрузку: чуть позже откровения Пимена с глубоким интересом выслушивает Григорий, запоминая его славные и непристойные деяния. Главным здесь является третий относительно цельный блок (№№12–17), условно называем его «идейно-воспитательным»: знание о «трудах» и «грехах» предшествующих властителей становится основным стимулом и определяет целевую установку всех дальнейших действий Самозванца. Исключая из текста все перечисленные строки, оставляем «источниковедческий» блок (№№7–11), отражающий пушкинские представления о формировании летописных текстов. Насколько нам известно, эти пять строк не привлекали внимания исследователей пушкинского творчества и воспринимались как безыскусное изложение технологии процесса летописания, при этом его «конечный продукт» — летопись — представлялась результатом воплощения своеобразной письменной эстафеты, передаваемой от начального летописца продолжателем. Однако последняя строка интересующего нас фрагмента из монолога Пимена («правдивые сказанья перепишет») позволяет нам рассмотреть в пушкинских словах совершенно иное понимание состава летописных источников.

На границе XVIII и XIX столетий выдающийся немецкий ученый Август-Людовиг Шлёцер совершил ре-

волюционный переворот в формулировке задач исторического исследования, призывая всех историков производить тщательную оценку достоверности информации источников (критику источника), прежде чем использовать ее в научно-исторических реконструкциях. Вот как в свое время оценил появление этих идей П.Н. Милюков: «Татищев (добавим, и другие историки «до-шлещеровской» поры. — С.Ц.) ставил своей задачей свод всех летописных известий; Шлещер, напротив, утверждал, что такая задача нелепа, что нанизанными таким образом данными нельзя пользоваться, что своду необходимо должна предшествовать критическая оценка разных летописных списков и разных сообщаемых... известий... Таким образом, не свод, а выбор, не всяких, а только критически проверенных известий ставил себе целью Шлещер» [3, с. 95]. Примером для апробации критических идей А.-Л. Шлещера выбрал русские летописи: по его мнению, начальная летопись, написанная Нестором, в руках позднейших и «невежественных» переписчиков подверглась существенным искажениям и в таком виде попадала в руки современных исследователей, которым требовалось «очистить» ее от поздних деформаций. В самой знаменитой своей работе он и постарался восстановить «чистого Нестора», избавляя списки его произведения от произвольного творчества переписчиков [4].

Критические идеи А.-Л. Шлещера быстро распространились в европейской исторической науке. В начале XIX в. они стали известными и в России благодаря переводу шлещеровской книги, сделанному непременно секретарем Российской Академии Д.И. Языковым [5]. С ним, несомненно, был знаком Пушкин: в каталоге книг пушкинской библиотеки, составленном Б.Л. Модзалевским, она значится под номером 431 [6, с. 117]. Сохранились также заметки, сделанные поэтом при чтении шлещеровского «Нестора» (VIII, с. 145). Теперь нам становится понятным, что последняя фраза «источниковедческого» блока из монолога Пимена была построена по принципу антитезы: «правдивым сказаньям» чудовского монаха-летописца суждено было преобразиться в руках переписчика.

Впрочем, не станем переоценивать влияния идей А.-Л. Шлещера на исторические взгляды Пушкина. Критический источниковедческий мотив не получил развития ни в данной сцене «Бориса Годунова», ни в прочих эпизодах трагедии, не найдем мы его даже в тех произведениях, где поэт пробует быть историком («История Пугачева», «История Петра»). Книга «Нестор» стояла на полке в квартире Пушкина, как отмечал Б.Л. Модзалевский, с неразрезанными листами. Известные нам заметки по поводу ее содержания были сделаны поэтом в 1836 г., т.е. много лет спустя после написания «Бориса Годунова», и касались не всей книги, как отмечено в примечаниях к пушкинскому со-

бранию сочинений (VIII, с. 558), а только к двум начальным и относительно кратким ее разделам («Общие предварительныя напоминанія» и «Предувѣдомленіе къ сему началу времянника» [5, с. 1–8, I–XLI]): это ясно из того, что в своих записях Пушкин ссылаясь только на те страницы издания, что были помечены арабскими и римскими цифрами, тогда как подробное изложение критических идей А.-Л. Шлещера помещено в следующем разделе «Введеніе в древнюю рускую исторію», страницы которого пронумерованы кириллическими цифрами [5, с. ā–rōā]. Отметим, кроме того, что самая подробная из пушкинских замечаний не отличается глубиной проникновения в замыслы немецкого историка: «Смотри, чем начал Шлещер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, буква в букву... *стр. IX предувѣдомления. А наши!..*» (VIII, с. 145).

Скорее всего, Пушкин осваивал шлещеровские идеи не из книг самого ученого немца, а в переложении своих современников, так или иначе связанных с исторической наукой. Не исключено, что главным источником его знаний об А.-Л. Шлещере был идейный вдохновитель пушкинского историзма Н.М. Карамзин. На страницах «Истории государства Российского» А.-Л. Шлещер упоминается неоднократно, причем даже так: «Муж ученый и славный, Шлещер» [7, с. 21], но его критические идеи великий историограф почему-то игнорировал, что позволило уже знакомому нам П.Н. Милюкову констатировать: «...Не критика составляет самую сильную сторону Примечаний к Истории государства Российского... В то время, как Карамзин работал над своею Исторіею... в положении русской исторической науки произошли очень крупные перемены... Но это быстрое развитие науки шло не через Историю государства Российского, а мимо нее» [3, с. 155, 178]. Можно признать, что наш великий поэт так же поверхностно понимал заслуги геттингенского историка: называя его «великим критиком» (в 1836 г. в статье «Песнь о полку Игореве») и сравнивая его по значимости с Ломоносовым (письмо М.П. Погодину от 5 марта 1833 г.) (VII, с. 501; X, с. 429), Пушкин, тем не менее, возмущался каждый раз, когда тот же М.П. Погодин в своей статье о Борисе Годунове «шлещеровски» подвергал сомнению показания русских летописей (VII, с. 555–564).

2. Геннадий Панов и «Слово о полку Игореве»

Творчество алтайского поэта Г.П. Панова (1942–1992) еще не получило должной оценки специалистов, но большинство его читателей самым значимым его произведением считают опубликованный в 1983 г. поэтический перевод слова «Слова о полку Игореве» [8]. Не случайно он привлек внимание члена-корреспондента РАН Л.А. Дмитриева (1921–1993), отметившего, что эта работа «отличается бережным, строгим отно-

шением к древнерусскому тексту» [9], а позже поместившего заметку о ней в энциклопедии «Слова...» [10]. Мы можем проследить пути эволюции поэтического текста, позволившие его автору проявить отмеченные ученым-рецензентом качества.

Через год после первой публикации Г.П. Панов повторно издал поэтический пересказ «Слова...» [11]. По замечанию Л.А. Дмитриева, «в переизданном тексте ряд неудачных оборотов и строф был автором переработан» [10]. Нам кажется, что переработка была более существенной (более 50 изменений), и можно говорить о появлении новой редакции поэтического произведения. Правда, большинство новаций (более 30) имели формальный характер (изменения знаков пунктуации и расположения интервалов между строфами), около десятка — стилистический. Нам интересны прочие изменения (8), которые носили содержательный характер и свидетельствовали о влиянии исторической информации на изменения литературного текста. Рассмотрим два самых показательных случая.

Выступление новгород-северского князя в Половецкий поход древнерусский автор пробует представить словами «соловья старого времени» Бояна:

...«Не буря
соколы занесе чресь поля широкая — *галици*
стады бѣжятъ
къ Дону великому...» [12, с. 23].

Дословный и самый близкий перевод выделенных курсивом строк (здесь и далее во всех цитатах курсив мой), вошедший во все современные издания памятника («стаи галок бегут к Дону великому»), благодаря своей пунктуальности сохраняет смысловую несурзность текста: птицы галки почему-то группируются в «стады» и «чресь поля широкая» бегут к Дону. Наш великий поэт Н.А. Заболоцкий в своем переводе постарался вернуть птиц в естественное состояние:

То не буря соколов несет
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы! [13, с. 135],

но такая поправка удалила его от первоначального смысла, потому что был потерян момент противопоставления соколов и галок.

В первом варианте пересказа Г.П. Панов тонко сохранил антитезу в отношении пернатых, разделив древнерусскую фразу на два предложения и начав второе из них союзом «и», который выполняет здесь противительную функцию. Неестественность описания бегущих птиц он исправил тем, что заменил «галици» на «клуши», умело используя многозначность этого народного названия. Так, в словаре В.И. Даля

«клушами» называются и галки, и домашняя птица [14, с. 121], которую действительно можно представить в виде стаи. Однако через год поэт вернул в текст пересказа галок, причем, эта поправка привела даже к потере важного географического ориентира («к Дону»):

Редакция 1983 г. [8, с. 85]

То не ветры в Диком поле так свистят —
это соколы князь-Игоря летят!
И седыми ковылями там и тут
к Дону *клуши* *половецкие* бегут.

Редакция 1984 г. [11, с. 88]

То не ветры в Диком поле так свистят —
это соколы князь-Игоря летят!
И седыми ковылями там и тут
клуши-галици *трусливые* бегут.

Глубокий смысл этого изменения станет понятен, когда мы вспомним о том, что в 1983 г., т.е. уже после публикации первой редакции пановского пересказа, появилось исследование московского биолога Г.В. Сумарукова, тщательно изучившего образы животного мира в «Слове...». Он пришел к выводу о том, что в описании древнерусского автора «поведение зверей и птиц... противоречит их реальному поведению», в том числе и «беготня» галок [15, с. 15, 33–34, 42 и др.]. Итогом этих наблюдений стал весьма обоснованный вывод о том, что на страницах «Слова...» каждая из названных разновидностей животного мира отражала родовой половецкий тотем, а тотем галок принадлежал половецким ордам, кочевавшим в районе Торских озер на западном берегу Северского Донца [15, с. 100]. Получалось, что автор «Слова...» иносказательно сообщал о том, что после появления в степях игоревых воинов («соколы») торские половцы («галици») спешно скрылись от русской угрозы, переместившись от Северского Донца на восток, ближе к Дону, и именно этот смысл отразила редакторская поправка Г.П. Панова.

Второй фрагмент — описание встречи двух участников похода, двух братьев — Игоря и Всеволода Святославичей. Автор «Слова...» описывает эту встречу сразу же вслед за только что упомянутым «соколино-галочьим» эпизодом:

Игорь ждеть мила брата Всеволода.
и рече ему буй турь Всеволодь...
тогда вступи Игорь князь въ злагъ стрѣмень и поѣха
по чистому полю [12, с. 23–24].

Вне контекста этот фрагмент понимается так, что поход начался лишь после соединения новгород-северской и курской дружин, хотя описанное ранее бегство торских половец («галок») к Дону указывает

на присоединение Всеволода уже после выдвижения в степи его старшего брата. Ипатьевская летопись, включившая в свой состав Киевскую летопись конца XII в., т.е. современную эпохе «Слова...», место встречи братьев помещает вообще уже в глубь Половецкой степи: «Игорь же... перебрете Донѣць и тако приида . ко Усколоу . и жда два дни . брата своего Всеволода тотъ бл шель инемъ поутѣ . ис Коурьска . и ѿтоуда поидоша к Салницѣ» [16, стб. 638]. Летописное сообщение удивительным образом совпадает с сообщением древнерусской поэмы о бегстве «стада галок» (торских половцев) с берегов Донца к Дону еще накануне встречи двух Святославичей!

В первой редакции поэтического перевода Г.П. Панов не учел этого момента, представив встречу князей-братьев началом похода в Половецкую степь. Изменение всего лишь одного слова в редакции 1984 г. принципиально поменяло смысл текста и сблизило его не только с предыдущей конъектурой («клуши-галици» вместо «клуши»), но и с исторической правдой:

Редакция 1983 г. [8, с. 55]
Ждет князь Игорь,
брата Всеволода ждет,
чтоб с буй-туром
вместе выступить в поход.

Редакция 1984 г. [11, с. 89]
Ждет князь Игорь,
брата Всеволода ждет,
чтоб с буй-туром
дальше выступить в поход.

«Точечная» поправка отражала в данном случае стремление Г.П. Панова совершенствовать свои знания о конкретных обстоятельствах знаменитого похода 1185 г.

* * *

Два разных случая, описанных здесь, касались разных и в чем-то даже несоразмерных литературных произведений, относящихся к различным жанрам и творчеству двух одновременных поэтов, но каждый из них показал действенность историко-текстологического исследования для изучения путей формирования литературных текстов. Нас не смущает мелкий масштаб полученных выводов: в одном случае удалось объяснить появление одной поэтической строки, в другом — появление отдельных слов в поэтическом произведении. Важно другое: мы показали возможности того исследовательского пути, который еще не часто используется в историко-филологической научной деятельности.

Библиографический список

1. Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1962.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. — Т. I–X. — М., 1962–1966. (Далее все ссылки на это издание делаются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страниц.)
3. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. — СПб., 1913.
4. Несторъ: Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen von SchreibFehlern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer... — Т. 1–4. — Göttingen, 1802–1805.
5. Нестор: Русские летописи на древне-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвигом Шлёцером... — Ч. 1–3. СПб., 1809–1819.
6. Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина : библиографическое описание. — СПб., 1910.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. 1. — М., 1989.
8. Слово о полку Игореве: Поэтический пересказ в 12-и главах Геннадия Панова // Алтай. — 1983. — №1.
9. Дмитриев Л.А. [Предисловие] // Алтай. — 1983. — №1.
10. Дмитриев Л.А. Панов Геннадий Петрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Т. 4 : «П — Слово». — СПб., 1995.
11. Слово о полку Игореве: Вольный пересказ // Панов Г.П. Отчина : Стихотворения и поэмы. — Барнаул, 1984.
12. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова: Реконструкция древнерусского текста <Н.А. Мещерского и А.А. Бурыкина> // Слово о полку Игореве. — Л., 1985.
13. Слово о полку Игореве: Переложение Н. Заболоцкого // Слово о полку Игореве. — М., 1985.
14. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. — Т. 2. — СПб. ; М., 1881.
15. Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». — М., 1983.
16. Полное собрание русских летописей. — Т. 2 : Ипатьевская летопись. — М., 2001.